

Дачный поселок по весне напомнил ему заброшенное кладбище: заросшие бурьяном, заваленные прошлогодней ботвой участки. Вместо поваленных оградок — поломанный штакетник. Илья Иванович знал хозяев доброй половины здешних дач. Вон там еще не до конца растащенный на кирпичи двухэтажный домина без крыши — дача советского чинуши, тяжело заболевшего в девяностые и умершего в начале двухтысячных. Ну и куда ему двухэтажное дачное надгробие? С собой забрал? А таких вот дач без хозяев или с новыми хозяевами с каждым годом все больше. Идешь себе по аллее, видишь за кустами людей в спецовках, жгущих старую ботву, кричишь им:

— Звягины!

Оборачиваются, а это не они.

— А Звягины тут уже не сядят, мы дачу купили, — говорит кто-нибудь из новых хозяев.

Остается лишь протянуть тоскливое: «Извините, обознался...»

Как на всяком кладбище, встречаются целые домики, аккуратно побеленные, с целыми дверями, относительно ровными заборами. Тут явно рачительные хозяева. «Родительский день» для двух-трех поколений начинается в мае и длится до октября.

Работавший до выхода на пенсию водителем автобуса, Илья Иваныч частенько вспоминал, как летом ему доверяли дачный маршрут. В восьмидесятые было много молодежи, спешащей на дачу. В девяностые — сплошь старушки. Теперь же контингент разный, но в основном все люди моложе пятидесяти пересели на машины и добираются своим ходом. Скучно стало ездить в дачном автобусе с такими же, как он, стариками, все темы разговоров с которыми уже измусолены, аки вставная челюсть. Хотелось поговорить с кем-то помоложе, узнать новости, понять, чем дышат люди на десять-двадцать лет младше его. Прогулка по разоренным дачам без попутчика — полезное в физическом плане, но беспросветно тоскливое занятие. Домишки, похожие на брошенные скворечни, почерневшие, иссохшие калитки, наспех перехваченные проволокой, скрипящие на ветру. Сегодня Илье Ивановичу повезло. Параллельно ему по соседней аллее шла женщина лет пятидесяти, вела в руках велосипед. Илья узнал ее и кинулся через ближайший проход между дачами навстречу.

— Игнатова, — замахал руками, — Петровна!

Женщина остановилась. Поправила сползшую на глаза косынку, прищурилась, пытаясь понять, кто позвал ее по отчеству.

— На дачу, да? — уже шел к ней старик, понимая, что нашел себе попутчика.

— А! — наконец признала его женщина, — Иваныч. На дачу, куда ж еще. Надо хоть посмотреть что с избушкой, забор подлатать. Говорят, опять по дачам лазали.

— Лазали, — со знанием дела подтвердил Илья. — Я зимой ходил тут: заборы поломаны, в домиках все двери нараспашку.

— А что тут искать-то? Уже весь металл, какой был, разворовали.

— Это да. А они на пакость теперь. Моя вон в избушке по осени все прибрала, коврик старый постелила, кровать заправила. Шторочки там всякие. Все перевернули, аж тошно. Хоть ничего не делай. Еще столбы металлические повывдирали.

— Да, — закивала Игнатова, — точно. Ко мне сын приезжал прошлым летом, я ему говорю: «Давай все металлические столбы вытащим и заменим на деревянные, чтобы никто забор не поломал, если придут за металлом». Он пытался-пытался их раскачать, убил день на один столб. А эти махом все восемь выдрали. Силы, видать, много.

— Это они по весне, пока земля оттаивает. В такое время столбы как по маслу выдергиваются. Я вон тоже хочу весь металл к чертовой матери сдать, чтобы не лазали. Так ведь не отвадишь! Будут каждый год забираться, что-то искать. Моркошка подрастет — выдерут, лук — туда же.

— Во-во, — дачница закивала. — Мы надрываемся, дачу уноваживаем, сорняки выпалываем. А они пойдут, продадут, на бутылку заработают и радуются жизни. Я тут на рынке прошлым летом с одной ругалась. Пьянчуга с пристани. У нее дачи отродясь не было. Всю жизнь бичевала, сколько ее помню. А тут сидит, викторию продает. Я подхожу: «Откуда клубника?» «С дачи», — отвечает. Я говорю: «С чьей дачи?» — «Да с моей». Я говорю: «Ах ты, бесстыжая! Нет у тебя дачи». У кого-то наворовала и торгует сидит.

— Всё так. У меня родственники однажды, пару лет назад, приехали на поле картошку копать, а там какие-то крепкие ребята уже половину поля опростали и копают, как будто так и надо. Они с вопросом: «Вы какого черта тут делаете?» Те отвечают: «Наше поле!» Родственники мои: «Нет, наше!» А один из бугаев такой: «Иди, старпер, отсюдава подобру-поздорову, пока не прикопали». Ну он и сел со своей бабкой на пустые мешки.

— И чего?

— Ничего. Подождали, пока те ребята в машину к себе урожай покидали и уехали, тогда только оставшуюся половину начали выкапывать. Мало ли, дураков хватает. А вдруг и, правда, пришибут там же на поле. С них станется — лопатой по затылку, и всего делов.

Соседка энергично закивала:

— И ведь не сделаешь ничего.

— Можно пугнуть или попробовать поймать, но... сама знаешь, что потом будет. Кого виновным выставят? Хозяина.

— Это да... Илья Иваныч, а ты не надумал еще дачу бросать? — вдруг спросила собеседница.

— С чего бы? — пенсионер даже остановился.

— Ну мало ли. Дети и внуки уже выросли, в большом городе живут. Вам с супругой много ли надо? Все в магазинах можно купить.

— Да тут такое дело... Ты, Петровна, когда на пенсию?

— Через два года.

— Во-от. С работы уволишься?

— Уволюсь, наверное. Зарплату сокращают всем, так что за копейки днями работать — нет уж, пусть будет пенсия по минимуму, проживу.

— Дача поможет?

— Ну, конечно, — женщина расплылась в улыбке. — Все-все! Поняла, для чего тебе дача.

— Не только. Еще этакое лекарство от скуки и тоски. Сидеть дома неохота, а дача и время занимает, и едой обеспечивает.

— Вот и Анна Викторовна Самарцева, — Игнатова кивнула в сторону одной из дач, калитка которой была распахнута, а возле домика стояли вилы и лопаты, — до чего божий одуванчик, а все туда же, к земле... Ну в смысле к даче.

— Да ладно, все мы к земле тянемся, — усмехнулся Илья, — поздороваться бы надо с одуванчиком.

Собеседница кивнула и тут же громко, звонко, по-девчоночьи закричала:

— Анна Викторовна! Вы тут?

Из домика выглянула немолодая женщина. Худая, с маленьким морщинистым лицом, недовольно посмотрела на бредущих по аллее людей.

— Чего вам надо?

— Ой, извините, — Игнатова смутилась, — я думала, Анна Викторовна на даче работает.

— Умерла она. Еще по осени, — бесцветно отозвалась женщина и снова скрылась в домике, застучал молоток.

Илье на ум тут же пришло странное сравнение: вот строили люди себе гнезда, вили их. У кого-то простенькая избушка из фанеры, тонкая и легкая, как птичье гнездо, у кого-то — добротный скворечник. А теперь живут там совершенно иные птицы. Кто-то вырубит старые ели и сосны, посаженные первыми владельцами дач лет тридцать назад, лягут под топор яблони и вишни, на место которых посадят что-то новое. Каждый будет менять окружающий мир под себя. И так станет из года в год, из века в век меняться этот самый окружающий мир, ничего постоянно не оставляя.

— Извините, женщина... — широко улыбаясь, Илья Иванович шагнул к забору и громко добавил: — Можно вас отвлечь на секундочку?

Неприветливая хозяйка «скворечни» вновь показалась на крыльце, на этот раз с молотком в руках.

— Ну?

— Меня Ильёй зовут. Илья Иванович. Мы с вами теперь соседи.

— И что? — в голосе новоявленной соседки отчетливо различалось раздражение.

— Просто, — старик развел руками, — хотел познакомиться. Мало ли...

Неловко развернулся, пошлепал по грязи к стоящей поодаль спутнице.

— Анна, — ткнулся в спину растерянный окрик. — Меня Анна зовут.

Обернулся, посмотрел с прищуром.

— Вы извините, что я с вами так, просто мама...

И заплакала.

— Это вы нас извините, — Илья примирительно выставил перед собой ладони, попятился к велосипеду.

— Что это с ней? — не поняла Игнатова.

Илья Иванович хмыкнул:

— Пойдем-ка отсюда, Петровна.

— Это ты ее, что ли, довел?

— Нет, не я. Это она сама себя... — и пошел по аллее.

Спутница догнала старика минут через пять:

— Да кто она такая?

— Дочка Анны Викторовны, — на ходу бросил Илья Иванович, — старшая.

— Это которая в Германию уезжала?

— Да.

— Вернулась, получается... А почему она плакала?

— Мать умерла, — буркнул Илья.

— Так мать-то давно умерла.

Старик вдруг остановился как вкопанный, и Игнатова едва не налетела на него.

— Ты чего, Иваныч?

Старик запрокинул голову, взглянул на небо, подернутое легкой рябью облаков.

— Скворчки... Слышишь? Поют, свистят.

Женщина прислушалась, едва различила редкое птичье посвистывание.

— Вот пришла она на дачу, — тем временем продолжал Илья Иванович, — зашла в избушку, а там все, как при матери: на столе перчатки рабочие лежат, на крючках вдоль стен спецовки.

— Ты это о чем?

— О жизни, Петровна. О жизни.